

ЧЕЛОВЕК НА ЗАМЕНУ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Человек на замену

<https://litres.ru/74693968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если тебя приняли за криминального авторитета? Разумеется, не спорить. Особенно когда вокруг люди, способные решить любой вопрос. В том числе вопрос твоего дальнейшего существования.

Олег Миронов всю жизнь мечтал о главной роли. И однажды получил её. Без сценария, без репетиций и, как вскоре выяснилось, без возможности выйти из образа.

Теперь его уважают опасные люди, боятся совершенно незнакомые мужчины, а одно неосторожное слово может стоять кому-нибудь жизни.

Самое страшное — Олегу начинает нравиться.

Но в преступном мире есть одна неприятная особенность: если тебе предложили занять чужое место, стоит сначала выяснить, куда делся предыдущий хозяин.

И кто решил, что следующим не исчезнешь ты.

«Человек на замену» — криминальная комедия-триллер с чёрным юмором о человеке, который слишком хорошо сыграл чужую роль. И слишком поздно понял, что зрителей здесь нет.

Содержание

Глава 1. Человек, который всегда уступал	5
Глава 2. Объяснили	18
Глава 3. Обратная сторона уважения	36
Глава 4. Цена короткой фразы	59
Глава 5. Кресло	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Марк Вельский

Человек на замену

Человек на замену

Марк Вельский

Глава 1. Человек, который всегда уступал

В тот вторник Олег Миронов проиграл кастинг дверному доводчику.

Дело было не в том, что доводчик играл лучше. Он просто оказался убедительнее. Режиссёр коммерческого сериала попросил Олега войти в кабинет «как человек, которому здесь все должны». Олег вошёл, осторожно придержал тяжёлую стеклянную дверь, чтобы она не хлопнула, извинился перед стоявшей у стены девушкой и спросил, не мешает ли, если он подвинет стул.

— Стоп, — сказал режиссёр. — Вы понимаете, что такое власть?

— В общих чертах.

— Судя по всему, исключительно в общих.

Девушка у стены улыбнулась, не поднимая глаз от телефона. Олег тоже улыбнулся. Это был его старый, безотказный способ пережить чужое неудовольствие: изобразить, будто ему смешно вместе со всеми.

— Давайте ещё раз. Вы заходите и знаете, что помещение принадлежит вам.

Олег вышел, трижды вдохнул в коридоре и вернулся с таким выражением, словно пришёл конфисковать помещение

у государства. На пороге его ударила по пятке дверь. Он машинально обернулся проверить, не повредил ли покрытие, и услышал:

— Спасибо. Следующий.

В автобусе по дороге домой он пересчитывал в уме расходы. До аренды квартиры оставалось девять дней. В холодильнике имелись половина лимона, горчица, две сосиски в мутной упаковке и банка солёных огурцов, купленная на новогодней распродаже. На карточке — шесть тысяч восемьсот рублей. На театральной сцене он когда-то изображал короля Лира; теперь королю было не на что купить проездной.

У Олега была редкая профессиональная способность: он запоминал чужую манеру говорить после десятиминутного разговора. Он мог стать нервным дантистом, высокомерным профессором, чиновником, который не слушает ответа на собственный вопрос. В студенческих капустниках эта способность вызывала восторг. В сорок три года она вызывала усталое: «Вы очень фактурный, мы вам позвоним».

Позвонили в тот же вечер.

На незнакомом номере высветилась московская городская сеть. Олег успел подумать о коллекторах, хотя пока ещё никому не задолжал, и ответил осторожно:

— Слушаю.

— Олег Викторович? Меня зовут Вера Дымова. Я занимаюсь подбором исполнителей для закрытого театрального проекта. Видела ваши пробы сегодня.

— Какие именно?

— Где вы приносите извинения стулу.

Олег закрыл глаза.

— Я уже понял, что не подхожу.

— Наоборот. Вы именно тот человек, который нам нужен.

Ничего подозрительнее этой фразы ему ещё не говорили.

Обычно она предшествовала приглашению на съёмку рекламы кредита, где требовалось убедительно изображать счастливого человека, которому отказали в другом банке.

— Что за проект?

— Иммерсивный спектакль. Без сцены и зрительного зала. Актёр находится среди участников, которым заранее не сообщают, где начинается игра. Важнее всего естественная реакция, способность удерживать образ под давлением. Вы умеете слушать и подхватывать чужой темп. Это редкость.

Олег едва не переспросил, не ошиблась ли она номером. Вместо этого подвинул к себе блокнот и записал слово «проект», хотя до сих пор не знал, что именно ему предлагают.

— А репетиций много?

— Одна беседа. Двадцать минут. Затем пробное участие с оплатой. Если справитесь, обсудим дальнейшую работу.

— Сколько?

Вера назвала сумму, достаточную для аренды и двух нормальных ужинов. Не фантастическую, а потому особенно правдоподобную.

— А почему закрытый проект?

— Заказчик не хочет публичности. И прошу вас: если согласитесь, до начала ничего не ищите об образе. Никаких интернет-поисков. Вам важно не воспроизвести чужую биографию, а создать ощущение, будто она у вас есть.

Фамилию Дымовой он уже встречал в актёрских рассылках: настоящие съёмки, знакомые лица в отчётах. А это была редкая режиссёрская формулировка, которую хотелось записать. Он решил не задавать ещё пять вопросов и не выглядеть человеком, которого трудно нанять.

— Где встречаемся?

— Завтра в четыре. Я пришлю адрес.

— Я могу взять с собой текст?

— Текста нет.

— Тогда что я буду говорить?

— Что сочтёте нужным. Только не извиняйтесь.

Она отключилась. Олег ещё немного смотрел на телефон, словно тот мог сам пояснить последнее замечание. Затем разогрел сосиски, выбрал из банки самый крупный огурец и торжественно произнёс перед пустой кухней:

— Здесь всё принадлежит мне.

Через секунду открыл холодильник и извинился перед дверцей, которую задел локтем.

На следующий день адрес привёл его не в театр, а в небольшое офисное здание за тихим переулком. На третьем этаже пахло свежей краской и дорогим кофе. Ни афиш, ни гримёрных, ни суесящихся администраторов. Только стол,

две чашки и женщина в тёмно-зелёном костюме с внимательными глазами.

Вера Дымова оказалась примерно ровесницей Олега. Говорила ровно, без театральной напевности, и во время знакомства не стала спрашивать, где он учился. Это ему понравилось: о дипломе давно разговаривали только те, кто собирался вежливо отказать.

— У нас не комедия, — сказала она. — Хотя смешные ситуации возможны. Главное, чтобы ваш персонаж никогда не пытался понравиться людям.

— Кто он?

— Вадим Аркадьевич Бережной. Посредник. Человек, к мнению которого прислушиваются состоятельные мужчины, привыкшие решать проблемы самостоятельно.

— Юрист?

— Не совсем.

— Политик?

— Тем более нет.

— Сколько ему лет?

— Не имеет значения. Одни считают, что он старше, другие — моложе. Никто не станет задавать вам вопросов о возрасте.

Олег нахмурился.

— Это по Станиславскому или по современному театру, где никто ничего не знает?

Вера улыбнулась.

— По обстоятельствам.

Она изложила три правила. Первое: не объяснять, почему Бережной отсутствовал до встречи. Второе: не давать прямых приказов, если можно задать вопрос. Третье: не раскрывать своего настоящего имени ни при каких условиях, пока действует сцена.

— Остальное свободная импровизация, — сказала Вера.

— Если вы не знаете ответа, переведите вопрос собеседнику. Пусть сам объясняет, чего хочет.

— А если начнут спорить?

— Не спешите их останавливать. Люди сами заполняют паузу, когда боятся молчания.

Она поставила перед ним чашку и неожиданно сказала:

— Почему вы сели у двери?

— Чтобы не занимать ваше место.

— Вот это мы и будем исправлять. Пересядьте во главу стола.

Олег поднялся и неуверенно обошёл мебель.

— Там неудобно, окно в спину.

— А вы попробуйте.

Он сел. Ничего не произошло: ни оркестр, ни мистический прилив власти. Только раньше приходилось поворачивать голову к Вере, а теперь она сама смотрела на него.

— Уже лучше, — сказала она. — И запомните, Олег Викторович: если вас слушают, необязательно быть правым.

• • •

Ресторан назывался «Пятый сезон» и располагался в отдельном доме за высоким ограждением. У входа не было вывески, только медная цифра пять на воротах. Олег трижды сверил адрес. Заведение выглядело таким, где стоимость гардероба, вероятно, превосходила стоимость его осенней куртки.

Вера ждала у бокового входа. Рядом с ней стоял невысокий мужчина в сером пальто. Волосы у него были подстрижены коротко, лицо — настолько неприметное, что через минуту Олег едва мог бы его описать.

— Артём, — представила Вера. — Координатор площадки.

— Всего один вопрос, — сказал Олег. — Кто из гостей знает, что идёт спектакль?

— Те, кому положено знать, — ответил Артём.

— Это не очень конкретно.

— В жизни тоже редко отвечают конкретно. Удачи.

Вера поправила на Олеге воротник тёмного пиджака, взятого из костюмерной.

— Помните: не пытайтесь угадать правильную реплику. Её нет.

— А если я всё испорчу?

— Тогда вы будете первым артистом в истории, который действительно смог испортить импровизацию.

Она достала из кармана тяжёлые часы с металлическим браслетом.

— Наденьте. На время сцены.

— Они дорогие?

— Для вашего персонажа — обычные.

В зале за длинным столом уже сидели шестеро мужчин. Двое смотрели в телефоны, один изучал карту напитков, ещё один вертел зубочистку и не пользовался ею. Олег отметил блестящие туфли, жёсткие плечи, дорогие, но не слишком заметные украшения. Слишком реалистично, подумал он. Слишком хорошо подобраны типажи.

Когда он подошёл, разговор оборвался. Первым поднялся широкоплечий мужчина с гладко выбритой головой.

— Вадим Аркадьевич.

Остальные тоже встали.

Олег ощутил неприятную пустоту под рёбрами. Он привык к аплодисментам только после школьных спектаклей. Здесь никто не хлопал, и от этого уважение выглядело тревожнее.

— Садитесь, — произнёс он и услышал, что голос вышел заметно ниже обычного.

Гладко выбритый представился Глебом Тереховым. Молодой черноволосый мужчина — Тимуром Сафиним. Остальных Олег не удержал в памяти: у него слишком громко билось сердце.

В центре стола стояло блюдо с тонко нарезанным мясом, рядом — корзина с хлебом, который выглядел испечённым специально для людей, никогда не слышавших о скидках.

Олег не ел с обеда. Он подумал, что артисту нельзя отвлекаться на еду, а затем — что Бережной наверняка не спрашивает разрешения у официанта.

— Вам как обычно? — поинтересовался официант.

Это был первый опасный вопрос.

— Сегодня иначе, — ответил Олег после паузы. — Принесите то, что вы бы выбрали себе.

Официант растерялся на долю секунды.

— Стейк рибай средней прожарки?

— Если вы действительно выбрали бы его себе.

Официант кивнул с такой серьёзностью, будто доверие было оказано лично ему и на неопределённо крупную сумму.

Олег мысленно поставил себе маленькую галочку. Неплохая импровизация.

Первые десять минут никто не объяснял сути конфликта. Мужчины осторожно обменивались короткими фразами об обещаниях, границах и нарушенных договорённостях. Один раз кто-то сказал «северная линия», и Олег решил, что речь идёт о железной дороге. По всей видимости, спектакль был рассчитан на зрителей, которые сами придумывают себе контекст.

— Вопрос остаётся прежним, — произнёс Глеб. — Что будем делать с Костей?

Олег промокнул рот салфеткой. Стейк оказался превосходным. На тарелке ещё оставалась половина. Ему не терпелось спросить, разрешается ли актёрам забрать реквизит по-

сле спектакля, но роль Бережного явно предполагала человека, у которого дома полон холодильник таких стейков.

— А что с Костей? — спросил он.

Глеб и Тимур переглянулись.

— Он слишком много себе позволяет.

— Конкретнее.

— Обещал одно. Теперь говорит другое.

— Люди иногда меняют мнение.

— Не в таких вопросах, — сказал мужчина с зубочисткой.

Олег вспомнил указание Веры: возвращать вопрос себе-седнику.

— А вы с ним разговаривали?

— Неоднократно.

— И что?

— Не понимает.

— Значит, плохо объясняли.

В зале стало тихо. За соседним столом звякнула посуда — Олег вздрогнул, но успел превратить движение в раздражённое поправление рукава.

— Объясните доходчивее, — добавил он, чтобы не оставлять фразу недосказанной. — Чтобы потом не было недопонимания.

Глеб медленно отложил нож.

— Мы вас слышали, Вадим Аркадьевич.

— Надеюсь.

Олег отрезал ещё кусок мяса. Ему показалось, что сцена

развивается отлично. Наконец-то партнёры умели держать паузу. Куда лучше, чем вчерашний режиссёр с дверью.

Дальше мужчины перешли к спору об общем въезде к двум соседним площадкам: обе стороны считали, что пользоваться им должны прежде всего их машины. Глеб обрисовал вопрос так запутанно, что Олег на мгновение перестал понимать даже отдельные существительные.

— Что делать будем? — спросил Тимур.

Олег посмотрел на их лица. Каждое выражало скрытое ожидание. Он вспомнил управляющую из своего дома, которая двадцать минут спорила с соседом о шкафчике в общем коридоре, и предложил первое пришедшее в голову:

— Разделите по дням. В одни дни работает одна сторона, в другие — вторая. Через месяц проверите, есть ли смысл спорить дальше.

Глеб уставился на него.

— По дням?

— Если вам так нравится ссориться, можете ссориться по расписанию.

Тимур вдруг рассмеялся. Смех вышел коротким и совершенно искренним. Олег улыбнулся ему в ответ, но тут же заставил себя принять скучающее выражение.

— У Бережного сегодня настроение, — заметил мужчина с зубочисткой.

— Это не настроение, — ответил Олег. — Это усталость от взрослых людей, которые не умеют договариваться.

Тимур снова усмехнулся. Глеб, наоборот, задумался.

Когда разговор закончился, мужчины поднялись практически одновременно. Несколько человек пожали Олегу руку. Глеб задержал его ладонь в своей.

— Давненько вы так не разговаривали. Хорошо, что вернулись.

Олег едва не ответил «спасибо за партнёрство» — привычной актёрской формулой после удачного дубля. Вместо этого молча кивнул.

Оставшись один, он посмотрел на тарелку. Официант возник рядом так бесшумно, словно обучался этому отдельно.

— Вам убрать?

Там лежал прекрасный кусок мяса. На такое у Олега дома ушло бы несколько дней продуктового бюджета. Он открыл рот, чтобы попросить контейнер, но в воображении тут же увидел лица шестерых мужчин: как они узнают, что грозный Бережной унёс остатки ужина в пакете с логотипом ресторана.

— Да, — сказал он. — Уберите.

Было жаль до физической боли.

У служебного выхода Веры не оказалось. Артём стоял у припаркованной машины и разговаривал по телефону. Увидев Олега, он завершил разговор и неожиданно спросил:

— Вы с Костей о чём-нибудь лично договаривались?

— Я даже не знаю, как он выглядит.

Артём молча разглядывал его несколько секунд.

— Отлично, — сказал наконец. — Очень хорошо.

— Слушайте, а когда будет разбор? Мне кажется, во второй части я слишком много говорил.

— Разбор будет позже. Сейчас домой.

Он протянул Олегу конверт с гонораром. Деньги были настоящие, аккуратно пересчитанные. Олег от всей души поблагодарил его, затем вспомнил правило не извиняться и на всякий случай добавил:

— В смысле, работа принята.

— Принята, — подтвердил Артём.

За воротами его отпустила дрожь в коленях. Шестеро взрослых мужчин слушали его с таким вниманием, какого он не добивался от режиссёров за двадцать лет. Олег решил, что просто удачно попал в образ.

Через дорогу, в машине с погашенными фарами, кто-то сделал снимок его лица. Олег этого не заметил.

Глава 2. Объяснили

На следующее утро Олег проснулся счастливым.

У него была оплаченная аренда, в холодильнике появился нормальный сыр, а в телефоне — новое сообщение от Вере: «Благодарю. Вопрос с дальнейшими показами решается». Он перечитал его четыре раза. Слово «показы» казалось музыкальным. Значит, он всё-таки работал в театре, пусть и без сцены.

В половине второго ему позвонил Тимур Сафин.

— Вадим Аркадьевич, здравствуйте. Простите, что отвлекаю. Костин вопрос закрыли.

Олег был в супермаркете и выбирал между двумя марками сливочного масла. Он решил, что Тимур продолжает игру.

— Рад слышать, — сказал он своим вчерашним голосом.

— Вы были правы. Он по-другому не понимал.

— Надеюсь, обошлось без эксцессов?

На другом конце коротко засмеялись.

— Как скажете. Спасибо за понимание.

Звонок оборвался. Олег опустил масло обратно на полку. У него вдруг появилось странное ощущение, что между вчерашней сценой и сегодняшним разговором отсутствует важная реплика.

Он написал Вере: «Почему мне звонят участники после

спектакля? Это продолжение?» Сообщение осталось без ответа.

Вечером в новостной ленте ему попала короткая заметка: «В столице разыскивается предприниматель Константин Лаптев. Родственники сообщили о его исчезновении в ночь со среды на четверг». Фамилия ничего не говорила. Олег пролистнул дальше, но через минуту вернулся. На фотографии был плотный мужчина лет сорока пяти, с тревожным взглядом и чуть перекошенным галстуком.

Константин. Костя.

Совпадение могло быть самым обыкновенным. В Москве пропадали люди, и не каждый Константин был тем Костей, о котором разговаривали за столом. Однако подпись под фотографией упоминала транспортный бизнес — а вчера за столом тоже спорили о каких-то площадках и перевозках.

Олег набрал Веру. Сначала не ответили, потом сбросили. Он пошёл к окну, вернулся, сел на диван, снова встал. Через десять минут позвонил ещё раз.

На этот раз она ответила.

— Я видела ваше сообщение, Олег Викторович.

— Вы должны мне объяснить кое-что.

— Говорите.

— Вчера они обсуждали какого-то Костю. Сегодня этот Тимур звонит и говорит, что вопрос закрыт. А в новостях пропал человек, который может быть тем самым Костей. Это совпадение?

— Вы слишком погрузились в роль.

— Именно этим актёры и занимаются.

— Послушайте меня. Внешние участники могут продолжать общаться с персонажем и после встречи. Так устроен формат. Это важно для эффекта достоверности.

— Вы хотите сказать, что исчезновение тоже часть формата?

Пауза оказалась достаточно долгой, чтобы Олег успел услышать собственное дыхание.

— Я хочу сказать, что вам не стоит строить выводы по случайным публикациям. И пожалуйста, не звоните участникам сами.

— Но он же мне позвонил.

— Это другое.

— Вера, там правда всё было понарошку?

— Олег Викторович, не забывайте: вы профессиональный актёр. Не позволяйте эмоциональному хвосту сцены вмешиваться в повседневную жизнь.

Она попросилась удивительно вежливо.

Олег опустился на диван. Если бы она назвала его глупым, отмахнулась, рассердилась, ему стало бы легче. Но Вера говорила как врач, который уверяет пациента, что всё в порядке, не глядя на результаты обследования.

Он открыл заметку ещё раз. «Константин Лаптев». В тексте не было ничего об убийстве. Только слова «местонахождение неизвестно» и фотография человека, которого, воз-

можно, сейчас искали по больницам и вокзалам.

Олег вспомнил свою фразу: «Объясните доходчивее».

Сколько раз он произносил на сцене «убейте его» или «уведите пленника»? Сотни. И ни разу после спектакля не интересовался, куда уводили пленника и действительно ли тот жив. Но там были кулисы. Кто-то выходил поклониться. Здесь кулис не было.

На следующий день он снова пришёл в офис Веры. На третьем этаже дверь оказалась заперта. На табличке стояло название совсем другой компании — «Комплексное обслуживание зданий». За стойкой охраны сообщили, что помещение арендовали на две недели, а утром вывезли последние коробки.

— А женщина? — спросил Олег. — В зелёном костюме. Вера.

— Женщин много ходит, — ответил охранник. — Какая из них ваша?

Олег хотел сказать «режиссёр», но неожиданно не смог. У него не было даже фамилии студии. Только имя и номер, который теперь не отвечал.

На улице он постоял под холодным ветром, затем направился к метро.

У входа в переход к нему подошёл мужчина в светло-сером пуховике.

— Олег Викторович Миронов?

Олег остановился.

— Да.

— Нам нужно кое-что обсудить.

— Вы из театра?

— Нет.

Мужчина говорил спокойно, почти застенчиво. За его плечом стояла ещё одна фигура. Олегу вдруг показалось, что он снова на кастинге, только теперь никто не скажет «стоп».

— Я не располагаю временем, — произнёс он и попытался пройти мимо.

Мужчина не преградил дорогу. Просто посмотрел на него.

— Вы вчера спрашивали, настоящий ли был ужин. Можем объяснить. Только лучше не здесь.

— Кто вы такие?

— Люди, которым не нравится, что вам не сказали правду.

Олег почувствовал ледяной укол страха. Он уже готов был бежать, но мужчина добавил:

— Константин Лаптев жив.

— Откуда вы знаете?

— Потому что видел его сегодня утром.

• • •

Олег не сел в машину.

Всю жизнь он позволял чужим людям решать, куда ему идти, но даже его привычной уступчивости хватило, чтобы почувствовать: садиться к незнакомцам после разговора об исчезнувшем человеке — поступок чрезвычайно плохой.

— Говорите здесь, — сказал он.

Мужчина в пуховике удивился. Ничего страшного не сделал, даже не повысил голоса.

— Ладно. Тогда прогуляемся.

Они дошли до сквера. Второй мужчина держался в двадцати шагах позади и изображал заинтересованность афишей стоматологической клиники.

— Меня зовут Павел, — сказал первый. — Я работаю с Артёмом Поляковым. Вы его видели у ресторана.

Олег вспомнил серое пальто.

— С координатором площадки?

Павел посмотрел на него с искренним удивлением.

— Он вам так представился?

— Да.

— Забавно.

— Я не вижу ничего забавного.

— Потому что не знаете Артёма.

Олег остановился.

— Давайте с самого начала. Это было настоящее мероприятие?

— Более настоящее, чем вам кажется.

— А спектакль?

— Для вас — спектакль. Для остальных — рабочая встреча.

Слова были произнесены настолько буднично, что смысл дошёл не сразу.

— Так они... не актёры?

— Нет.

Олег не сразу сумел вдохнуть. Перед глазами возникли лицо Глеба, Тимур с его коротким смехом и официант, предложивший стейк. Всё это было настоящим. Всё, кроме него самого.

— Вы в своём уме? — прошептал он. — Как вы могли меня туда посадить?

— Во-первых, я вас не сажал. Во-вторых, вы выступили прекрасно.

— Я говорил им, что делать с человеком!

— Вы ничего конкретного не сказали.

— А Костя?

— Жив. Насколько мне известно.

— Где он?

— Этого я не знаю.

Олег вдруг ощутил такую злость, что даже страх на секунду отступил.

— Вы сказали, что видели его утром.

— Я сказал, что он жив. А видел его другой человек.

— Нет, вы сказали «видел»!

Павел посмотрел с интересом. Похоже, он не ожидал, что робкий актёр станет спорить о точных словах.

— Значит, неправильно выразился.

Олег стиснул кулаки. Он слышал ложь и помнил точные слова. Обычно до него доходило через день, в ванной, когда исправлять уже было поздно.

— Зачем вам я?

Павел отвёл взгляд на детскую площадку. Там мальчик в синей шапке пытался заставить качели качаться без себя.

— Есть человек, чьи решения устраивают не всех, — сказал Павел. — Он временно недоступен. Нам было необходимо, чтобы некоторые встречи продолжались. Артём решил проблему нестандартно.

— У меня есть имя?

— Вадим Аркадьевич Бережной.

— Это я помню. Я спрашиваю, существует ли он.

— Существует.

— И где он?

— Это уже не ваша забота.

Олег почувствовал, как в голове холодеет от нового понимания. Если Бережной существует, значит, однажды он может появиться и обнаружить, что кто-то сидел за его столом, пользовался его именем, принимал решения за его людей.

— Я больше этим заниматься не буду.

— Хорошо, — сказал Павел слишком быстро.

— Хорошо?

— Никто вас не держит.

Олег перестал понимать, чему верить. Он ждал угроз, угрозы, конверта с огромной суммой. Ему же предложили просто уйти. Павел протянул небольшую визитку без фамилии, только с номером.

— Если возникнут вопросы, звоните сюда. И один совет:

не пытайтесь сейчас объяснять всем, что вы актёр. Некоторые могут расстроиться.

— А полиция?

— Вы можете обратиться в полицию, Олег Викторович. Но расскажите им сначала, почему вы под чужим именем проводили закрытые переговоры с людьми, которых не знаете. Они очень обрадуются вашей открытости.

Павел не улыбнулся. От этого угроза прозвучала ещё отчётливее.

В метро Олег трижды выходил из вагона, решив, что за ним следят, и трижды возвращался, заметив, что подозрительный мужчина в кепке просто читает книгу. Дома запер дверь на оба замка, потом пододвинул к ней стул, потом отодвинул: если придут серьёзные люди, стул будет выглядеть нелепо.

Вечером он позвонил своей давней знакомой, осветительнице Надежде Соколовой. Она была одной из немногих, кто никогда не спрашивал его, почему он до сих пор не прославился.

— Надя, у тебя бывало такое, что роль вдруг выходила из-под контроля?

— У меня дважды падал софит. Один раз на декорацию, один раз на режиссёра. Второй случай мне понравился больше. Что случилось?

— Представь, что тебе сказали: это спектакль. А потом оказалось, что не спектакль.

— Это называется корпоратив с участием чиновников. Ты где работаешь?

— Пока не знаю.

Она посерьёзнела.

— Олег, если это какая-то неприятность, не геройствуй. У тебя нет таланта к героизму. У тебя талант выкручиваться из унизительных ситуаций. Пользуйся им.

Он хотел рассказать правду, но представил, как произносит вслух: «Я поужинал с бандитами и, кажется, распорядился похитить человека». Слова звучали безумно.

— Всё нормально, — ответил он. — Просто роль сложная.

Утром у двери его квартиры стояли две большие коробки. В одной находились дорогой костюм, три рубашки и новые ботинки. Во второй — продукты из ресторана «Пятый сезон», аккуратно упакованные порционно. Сверху лежал стейк в вакуумной упаковке.

В боковом кармане пиджака лежал новый телефон. В памяти был один контакт — Павел. На коробке приклеили записку: «Для рабочих вопросов». Олег проверил, можно ли вернуть хотя бы эту часть подарка. Павел не ответил.

Олег долго смотрел на мясо. Потом осторожно закрыл дверь, положил коробки на пол и сел рядом.

Похоже, театр сам ещё не знал, что спектакль закончился.

• • •

Первый звонок на новый номер Олег принял в половине шестого утра. Он ещё спал и потому ответил своим обычным

голосом, без осторожных пауз и тяжёлых интонаций Бережного.

— Алло?

— Вадим Аркадьевич, простите, что разбудил. У нас беда.

— У меня тоже, — пробормотал Олег. — Я спал.

Мужчина на другом конце извинился с таким ужасом, что Олег проснулся окончательно. Звонивший представился Игорем и рассказал, что один из грузовиков задержан возле междугородного терминала. Водитель отказывается выполнять новое распоряжение, хотя все документы в порядке. Олег не понимал ни слова из объяснений.

— А что вы хотите от меня? — спросил он.

— Чтобы вы сказали, кто прав.

— Я не знаю, кто прав. Позвоните начальнику водителя.

— Он говорит, что начальник велел одно, а Тимур другое.

Олег сел на кровати. На секунду стало смешно: он ещё не успел позавтракать, а чужие взрослые люди уже ждали, что он разрешит их конфликт.

— Дайте трубку водителю.

Послышались шорохи, кто-то возмутился, потом раздался усталый голос:

— Слушаю.

— Почему стоите?

— Мне сказали увезти груз туда, где никто его не принимает. Я не повезу. Машина моя, за груз отвечаю я.

— А кто сказал?

— Человек Тимура. Но он даже адрес толком не назвал.

Олег подумал, что на месте настоящего Бережного сейчас наверняка произнёс бы суровую фразу. Но адрес был нужен реальный, не театральный.

— Не ехать, пока не объяснят, куда и зачем, — сказал он.

— И пусть никто не угрожает водителю. Он единственный здесь понимает, за что отвечает.

Голос Игоря вернулся в трубку почти радостным.

— Спасибо, Вадим Аркадьевич. Мы всё поняли.

Звонок оборвался. Олег лёг обратно, надеясь уснуть. Через десять минут позвонил Тимур.

— Вы отменили перевозку?

— Я не отменял. Там человек не понимает, куда едет.

— Это был срочный вопрос.

— Тогда объясните ему срочно.

Тимур неожиданно замолчал. Олег почувствовал, что попал в какую-то невидимую точку конфликта. Он ещё не знал, что в будущем таких точек будет сотни.

К полудню ситуация превратилась в легенду. Один из участников позвонил Глебу и сообщил, что Бережной «одним вопросом пресёк непонятные перевозки». Другой утверждал, что новый посредник обладает информацией о тайном соглашении. Третий был уверен, что это проверка на честность. Никому не пришло в голову, что Олег всего лишь не захотел, чтобы человек ехал в неизвестное место.

Олег узнал об этом от Веры. Она передала ему слова Ар-

тёма: «Тут вы здорово сыграли». Он рассердился.

— Но я не играл. Меня разбудили!

— Пожалуй, поэтому и получилось, — ответила Вера.

На следующий день водитель прислал короткое голосовое сообщение. Он поблагодарил за то, что его выслушали, и сказал, что нашёл другой маршрут. Олег прослушал сообщение дважды. В нём не было ничего о криминальном мире. Просто один незнакомый человек почувствовал облегчение.

Олег сохранил сообщение водителя. Вечером снова включил его, когда никто не звонил. Незнакомец говорил «спасибо» совсем не тем голосом, каким благодарили после спектакля.

• • •

Наутро Олег обнаружил, что дорогие продукты способны испортить человеку аппетит ничуть не хуже дешёвых. Стейк лежал на полке холодильника в прозрачной упаковке. Олег трижды открывал дверцу, разглядывал его и закрывал, словно ожидал, что мясо объяснит, кто принёс его ночью и почему.

Съесть подарок означало признать, что он принят. Выбросить — повести себя глупо, особенно человеку, который два дня назад сравнивал цены на масло. Олег нашёл третий путь: положил упаковку в морозильник. Теперь проблема могла храниться месяцами.

В полдень позвонил Геннадий Борисович, бывший режиссёр небольшого театра, в котором Олег успел проработать

семь лет. Режиссёр называл всех актёров «голубчик», включая женщин, и с такой нежностью произносил это слово перед увольнением, что оно давно перестало быть комплиментом.

— Голубчик, тут у нас одно мероприятие. Человек заболел. Нужна замена.

Олег молча сел на табурет. От слова «замена» в последние дни ему хотелось выключить телефон.

— Какая роль?

— Сосед по купе. Минут восемь. Платим, конечно, символически. Но ты же за искусство.

— За искусство, — повторил Олег. — А что делать соседу?

— Сидеть и молчать. Потом одна реплика: «Это не ваше дело».

— А зачем вам актёр? Вы можете посадить на сцену зрителя из первого ряда.

Режиссёр возмутился. У театра, объяснил он, есть традиции, дисциплина и художественная концепция. Олег слушал и вдруг поймал себя на том, что в другой жизни уже согласился бы. Ему пообещали бы пятьсот рублей после спектакля, а потом забыли. Он бы не напомнил. Уходя, поблагодарил бы за доверие.

— Спасибо, Геннадий Борисович, но нет.

В трубке наступила пауза.

— У тебя что, работа появилась?

Вопрос прозвучал почти обвинительно.

— Появилась, — ответил Олег.

— В кино?

— В жизни.

Он положил трубку и минут пять сидел очень прямо. Отказ получился короткий, неубедительный, но собственный. Ему захотелось кому-нибудь об этом рассказать. Надежде он позвонить не решился и вместо этого пошёл в ближайшую пекарню.

За соседним столом сидели две женщины и обсуждали начальницу, которая заставляет сотрудников поздравлять её с днём рождения личными стихами. Олег слушал с профессиональным интересом. Женщины спорили о том, лучше ли написать стихотворение самим или заказать у школьника. Никто не просил его разрешить спор. Он заплатил за пирожок, причём оплата прошла только с третьей попытки: банковское приложение зависло. Пока кассир терпеливо ждала, Олег почувствовал стыд почти такой же сильный, как на последнем кастинге. Дорогой костюм лежал дома, а чудодейственная власть Бережного почему-то не помогала купить пирожок.

На выходе его остановил незнакомый мужчина.

— Простите. Вы Миронов?

Олег похолодел.

Мужчина был худым, в старой кожаной куртке, с лицом человека, который много лет подряд плохо спал. Олег отме-

тил руки: пустые. Отметил дверь: рядом, можно убежать. Отметил своё отражение в витрине: совершенно обычный испуганный человек.

— Смотря по какому вопросу.

— Вы играли в «Станции назначения»? Соседа следователя?

Это был спектакль семилетней давности. Три показа в районном доме культуры, затем театр лишился сцены. Олег с трудом вспомнил фамилию своего персонажа.

— Играл.

— Я тогда сидел в третьем ряду, — сказал мужчина. — Вы уронили чемодан, а потом придумали, будто там стекло. Все смеялись. Помните?

Олег помнил. Чемодан действительно упал — из него высыпались две пустые бутылки, забытые реквизитором. Он испугался, что сорвёт сцену, и произнёс какую-то ерунду. Партнёры подхватили, зал засмеялся, а после спектакля режиссёр отчитал Олега за самодеятельность.

— Помню.

— Хорошо играли. Я тогда жену привёл. Она долго говорила, что вы один настоящий были.

Мужчина улыбнулся, но улыбка тут же исчезла.

— Жена умерла в прошлом году. А я вас увидел и подумал: надо же. Столько лет прошло.

Олег не знал, что отвечать. Обычная вежливость подсказывала извиниться за чужую смерть, но эта фраза показалась

неприлично маленькой.

— Спасибо, что сказали, — произнёс он наконец.

Мужчина кивнул и ушёл, держа под мышкой батон. Олег остался у дверей пекарни. Он много лет мечтал, чтобы его узнали на улице. Сегодня это наконец произошло, и он успел почти испугаться до смерти.

Вечером ему позвонила Вера. На заднем плане шумела вода, словно она стояла под душем или возле открытого кра-на.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, чем человек, которого увезли после моих слов.

— Мы говорили об этом.

— Нет. Вы говорили. Я слушал. А теперь хочу спросить ещё раз: он жив?

Вера молчала так долго, что Олег начал считать собственные вдохи.

— Я не знаю, — сказала она.

Его вдруг взбесило не то, что она не знает. То, как спокойно в её устах звучало незнание.

— Тогда выясните.

— Олег...

— Вы сказали, что это спектакль. Значит, вы мой режиссёр. У режиссёра должна быть хоть какая-то ответственность за актёров и за зрителей. Выясните.

— Не разговаривайте со мной так.

Он собирался извиниться. Уже вдохнул воздух, чтобы

произнести привычное «простите». И тут понял: она не возражает против вопроса. Она возражает только против того, что он задал его без разрешения.

— Доброй ночи, Вера.

На кухне потрескивал старый холодильник. Олег достал из морозильника стейк. Подержал на ладони, посмотрел на тонкую изморозь под плёнкой и положил обратно. Потом записал на бумажном листке имя «Константин Лаптев». Ниже — номер, с которого звонил Тимур. Рядом — слово «жив?» и знак вопроса такой крупный, будто от его размера зависел ответ.

Глава 3. Обратная сторона уважения

Через два дня Олег попытался вернуть костюм.

Он сложил всё в коробку, кроме ботинок, которые успел надеть один раз и неожиданно обнаружил, что новые ботинки могут не причинять боли. На месте прежнего офиса на него посмотрела та же стойка охраны. Павел на звонки не отвечал. Артём Поляков тоже не появлялся.

Олег оставил коробку у себя: в конце концов, невозможно возвращать подарок человеку, который не желает сообщать адрес отправителя.

В понедельник к нему пришли двое мужчин с предложением, от которого он отказался ещё до того, как успел разобратся в сути.

— Нет, — сказал Олег в дверях.

Первый посетитель, аккуратно одетый мужчина с крупными руками, удивился.

— Вы даже не знаете, что мы хотели сказать.

— И не хочу узнавать.

— Мы от Глеба Сергеевича.

— Передайте Глебу Сергеевичу мои наилучшие пожелания.

— Он просил, чтобы вы сами его выслушали.

Олег попытался закрыть дверь, но не сделал этого. Мужчины стояли ровно на той дистанции, при которой захлопнуть дверь перед лицом гостя означало бы проявить грубость. Это было глупо, учитывая обстоятельства. Но привычка быть вежливым оказалась сильнее страха.

— Пять минут, — согласился он.

Мужчины прошли на кухню. Олег пожалел, что там сохранилась потрескавшаяся клеёнка. Он не знал, стоит ли гостям предлагать чай. Серьёзные преступники вообще пьют чай в гостях? Возможно, их учили отказываться на специальном семинаре.

— Глеб Сергеевич хотел обсудить с вами северные площадки, — начал старший. — После вашего предложения обе стороны попробовали новый порядок. Нареканий пока нет.

— Замечательно.

— Есть другая ситуация. Один человек воспользовался сменой графика, чтобы предъявить свои условия. Раньше за ним такого не замечали.

Олег посмотрел на холодильник. На дверце висел магнит с изображением Большого театра и надписью «Мечты сбываются». Его подарили десять лет назад. Он почему-то остро захотел перевернуть магнит лицом к металлу.

— И что?

— Хотели бы вашего совета.

— Посоветуйтесь с юристом.

Мужчины переглянулись.

— Понятно, — сказал старший. — Уточним ещё один момент. Константин Лаптев. Вы распорядились, чтобы ему всё объяснили. Так вот, с тех пор его никто не видел.

Олег ощутил, как у него холодеют пальцы.

— А вы?

— Что — мы?

— Вы его видели?

— Нет. Потому и спрашиваем.

— А кто должен был... — Олег не договорил. — Кто занимался этим вопросом?

— Павел. Потом Артём. У них своя часть.

Теперь он понял, что уже задаёт вопросы, на которые не хотел знать ответов. Мужчины наблюдали за ним с явным ожиданием. Оказывается, он мог заставить кого-то продолжать разговор, просто не отвечая.

— Передайте Глебу Сергеевичу, — сказал Олег, — что я не обсуждаю вопросы через незнакомых людей. Пусть приходит сам.

Старший посетитель кивнул, словно услышал разумное распоряжение.

— Прямо сюда?

Олег оглядел кухню.

— Нет, — ответил он чуть быстрее, чем следовало. — В приличное место.

В тот же вечер для него заказали отдельный зал небольшого ресторана. Олег приехал на час раньше и некоторое вре-

меня просидел в машине такси, наблюдая за входом. Несколько раз пытался убедить себя уехать. В конце концов вышел: если он действительно хочет узнать, жив ли Костя, придётся разговаривать с этими людьми там, где они привыкли разговаривать.

Глеб Терехов встретил его без улыбки, но с той осторожной почтительностью, которая за первым ужином показалась Олегу хорошей актёрской игрой.

— Спасибо, что нашли время, Вадим Аркадьевич.

Олег внутренне поморщился. Имя уже начинало казаться нарядом, который нельзя снять, потому что под ним нет ничего приличного.

— Давайте без церемоний. Где Лаптев?

Глеб изучал его лицо.

— Вы правда хотите это знать?

— Если спрашиваю.

— Тогда я тоже кое-что спрошу. Что вы сделали с Артёмом? Вторые сутки недоступен, а люди бегают ко мне и уверяют, что все решения теперь нужно согласовывать лично с вами.

— Я ничего с ним не делал.

— Вот и хорошо.

Глеб договорил и чуть заметно расслабил плечи. Стало ясно: собеседники опасались не Олега, а возможного гнева того, чьим именем он сейчас распоряжался.

— Так где Костя?

— Нигде. Пропал. Но один из его людей вчера забрал лекарства из дома. Без денег, без вещей — только лекарства. И не себе.

— Откуда вы знаете?

— Потому что этот человек раньше работал у меня. И потому что я тоже не люблю, когда мне врут.

Олег откинулся на спинку кресла. Если лекарства были нужны Косте, он мог быть жив. Если за ними приезжал кто-то другой, значит, пропавший не обязательно ушёл по собственной воле.

— Найдите того, кто забрал лекарства, — сказал Олег.

— И что дальше?

— Спросите, кому их повёз.

Глеб медленно улыбнулся.

— Поэтому с вами и приятно работать. Раньше на такой вопрос люди получали приказ сломать человеку руки. А вы предлагаете сначала поговорить.

Олег почувствовал облегчение, почти гордость. Всё-таки он сумел сделать что-то разумное. Не угрожать, не кричать, а просто попросить выяснить.

— Разговор лучше начинать с разговора, — сказал он.

— Запомню.

Глеб достал телефон и набрал короткий номер.

— Этого парня найдите. Только аккуратно. Вадим Аркадьевич хочет с ним поговорить, а не чтобы вы снова всё испортили.

Олег был настолько потрясён словом «снова», что пропустил конец разговора.

— Что значит «снова»?

Глеб посмотрел на него так, словно вопрос был неуместным.

— Вы же знаете наших ребят.

— Представьте, что не знаю.

— Слишком торопятся проявить полезность. Особенно когда слышат ваше имя.

Олег вдруг вспомнил, как после первого ужина Артём спросил, договаривался ли он с Костей лично. Возможно, дело заключалось не в словах Олега. А в том, что кто-то заранее ждал повода.

— Глеб Сергеевич, — сказал он, — расскажите мне, каким был Бережной раньше.

Глеб перестал двигаться.

— Раньше?

— До моего... возвращения.

Тот долго разглядывал бокал с водой.

— Сложным человеком, — произнёс наконец. — Очень сложным. С вами, если позволите, теперь проще.

— Почему?

— Вы стали слушать. Раньше никто не успевал закончить фразу. А сейчас иногда даже создаётся впечатление, что можно выйти из комнаты живым и с собственным мнением.

Олег не понял, похвала это или предупреждение. Зато

поймал себя на желании заказать ещё что-нибудь: пусть Глеб не уходит, пусть поговорит с ним этим голосом ещё немного.

Он посмотрел на меню. Стейк стоил почти столько же, сколько в «Пятом сезоне».

— Я заплачу за себя, — сказал он.

— Вы меня обидите.

Олег не стал спорить.

• • •

К концу следующей недели Олег начал узнавать автомобили.

Не марки — в машинах он по-прежнему разбирался плохо. Он научился различать, кто из мужчин приезжает сам, кого привозят с охраной, кто заставляет водителя ждать у дверей, а кто предпочитает, чтобы машину не было видно с улицы. Этому никто его не учил. Когда двадцать лет работаешь актёром второго плана, начинаешь замечать всё то, что главные герои позволяют себе не замечать.

Он установил правило: никаких встреч у него дома. Правило приняли без возражений. Потом другое: не звонить после полуночи. Тут уже стали спорить, но Олег ответил, что человек, который не сумел решить вопрос до двенадцати, пусть попробует выспаться и решить его утром. От этой фразы Тимур Сафин пришёл в восторг.

— Вы бы знали, сколько мы из-за ночных звонков глупостей натворили! — сказал он. — Половину, наверное.

— Значит, остальную половину делайте днём, — ответил

Олег.

Тимур захохотал, а потом повторил шутку своим людям как мудрое распоряжение.

Олегу начали привозить одежду. Сначала пиджаки, потом пальто, затем туфли, в которых ступня чувствовала себя так, словно ей наконец предоставили отдельную жилплощадь. Один раз он попробовал отказаться. При нём сразу возникло несколько обиженных лиц. Ему объяснили, что уважаемому человеку не полагается ходить в дешёвом пальто, если рядом находятся люди, которым он помог.

Когда появилась машина с водителем, Олег уже не сопротивлялся. Человек быстро привыкает к тому, что ему открывают дверь. Особенно если всю предыдущую жизнь он придерживал её для других.

Надежда заметила перемены первой.

Они встретились у маленького театра, где оба иногда подрабатывали. В фойе пахло пылью, скотчем и дешёвым кофе из автомата.

— Это на тебе что? — спросила она вместо приветствия.

— Пальто.

— Я заметила. Оно стоит как два наших осветительных пульта. Ты банк ограбил?

Олег рассмеялся слишком громко.

— Не смешно, — сказала Надежда. — Откуда деньги?

— Хорошая работа.

— Какая?

— Замкнутый проект.

Она вздохнула.

— После слов «замкнутый проект» обычно рассказывают либо про кино, которое никогда не снимают, либо про то, что кого-то ищет полиция.

— Ты преувеличиваешь.

— А ты впервые за пятнадцать лет смотришь на меня так, будто я неправильно произношу твою фамилию.

Эта фраза задела сильнее, чем Олег ожидал. Он ведь ничего такого не делал. Просто выпрямился, перестал сутулиться, привык не давать себя перебивать. Разве это плохо?

— Надя, я рад, что ты беспокоишься, — сказал он. — Но не надо считать, что всякая удача обязательно преступление.

— Я этого не говорила.

— Нет, сказала. Только другими словами.

Надежда посмотрела на него долго, почти печально.

— С тобой стало очень неудобно разговаривать.

Он хотел ответить колкостью, но вспомнил, как недавно Тимур назвал его человеком, который умеет всех ставить на место. И вместо извинения пожал плечами.

— Людям вообще бывает неудобно слышать правду.

Надежда ничего не сказала. Они попрощались у выхода. Уже на улице Олег вдруг сообразил, что только что произвёл чужую интонацию — холодную, самоуверенную, незнакомую ему прежде. Он не мог вспомнить, у кого именно её подслушал. Это было неприятно, но чувство быстро

исчезло, когда водитель вышел из машины и открыл перед ним дверь.

Через несколько дней Тимур привёз его на встречу с двумя владельцами складских помещений. Мужчины несколько месяцев спорили о доступе к общему двору. Олег ожидал привычных взаимных обвинений, однако один из них внезапно ударил другого по лицу.

На секунду все замерли. Олег тоже. Он понятия не имел, как останавливают драку между людьми, которые привыкли командовать. Затем вспомнил приём из репетиций: изменить направление внимания.

— Вам удобно? — спросил он.

Оба обернулись.

— Что?

— Вернусь, когда вы закончите выяснять, кто здесь главный, — сказал он и направился к двери.

Оба замолчали. Олегу очень хотелось, чтобы дверь открывалась наружу: уйти решительно и немедленно потянуть не в ту сторону было бы слишком знакомым завершением сцены.

— Простите, Вадим Аркадьевич, — сказал ударивший.

Олег ощутил тёплую волну удовлетворения. Раньше люди извинялись перед ним только тогда, когда случайно наступали ему на ногу. Теперь они просили прощения за своё поведение, хотя он вообще не был стороной спора.

— Завтра встретитесь вдвоём, — сказал он. — Без охраны. И если ещё раз узнаю, что вы решаете вопрос кулаками,

разговаривать будем иначе.

Он не знал, что означает последнее слово. Но мужчины кивнули так, будто прекрасно знали.

Позже, уже в машине, Тимур хлопнул его по плечу.

— Вот это вы сегодня! Прежний Бережной так не умел.

— Не умел что?

— Делать, чтобы они сами пугались своей глупости.

Олег посмотрел в окно. Он не забыл Костю и всё ещё требовал от Глеба новостей. Но в последние дни всё чаще думал о другом: как хорошо, когда тебя слушают с первого раза.

Вечером Артём Поляков наконец объявился. Он позвонил с чужого номера и предложил встретиться в старом ресторане у речного вокзала.

— Понравилось? — спросил он, едва Олег сел.

— Что именно?

— Когда люди смотрят вам в рот.

— Я ничего такого не просил.

— Конечно. Удобнее всего получать власть, когда уверяешь себя, что тебе её навязали.

Артём говорил без насмешки. На нём снова было серое пальто, только теперь Олег заметил, что ткань дорогая, а простота намеренная.

— Кто вы на самом деле? — спросил Олег.

— Человек, который обслуживает чужие договорённости. Я устроил вам первый ужин, потому что месяцами никто не мог принять общего решения. Бережной был недоступен.

Они начали делить всё без него. Потом стали искать, кто рассудит. У каждого нашёлся свой кандидат. Я предложил нейтральное решение.

— Актёра?

— Фигуру, которая не принадлежит ни одной стороне. Старые люди понимали, на что соглашаются. Новые — не все. Но никому не было выгодно возражать, пока вы вели себя разумно.

— Вы поставили мою жизнь на кон ради их удобства.

— Не только. Ради того, чтобы они не начали убивать друг друга.

Олег хотел возразить. Однако вспомнил, как два взрослых мужчины чуть не подрались перед ним из-за двора, и промолчал.

— Почему именно я?

— Вера просмотрела больше ста кандидатов. Вы были единственным, кто при унижении на пробах не сорвался, не стал мстить, не принялся доказывать, какой он важный. Нам нужен был человек, который умеет уступать.

— А вы сделали из меня... кого?

— Пока — полезную замену.

— Когда вернётся настоящий?

Артём поднял глаза.

— Это зависит не от вас.

— Он может вернуться завтра?

— Может.

Олег почувствовал, как привычный страх снова подступает к горлу.

Артём подался вперед.

— Я пришёл не пугать вас. Я пришёл предупредить: некоторые уже предпочитают ваши решения его решениям. И это опаснее, чем вы думаете.

— Для кого?

— Для вас обоих.

• • •

В небольшом кафе рядом с автомобильным рынком Олега ждали два человека. Первый представился Леонидом Исаевичем, второй назвался просто Сашей. От обоих пахло дорогим одеколоном, но по-разному: Леонид пах, словно собирался на похороны, Саша — словно хотел скрыть, что недавно был на них.

— У нас вопрос на десять минут, — сказал Леонид.

— У меня тоже, — ответил Олег. — Почему мы встречаемся здесь?

— Нейтральная территория.

Олег оглядел кафе. У окна пенсионерка считала мелочь, в телевизоре без звука ведущая показывала, как правильно чистить гранат. За стойкой девушка спорила по телефону с поставщиком салфеток.

— Очень нейтральная, — согласился он.

Суть спора заключалась в месте для разгрузки. Двум фирмам принадлежали соседние склады, и каждая считала, что

бетонный карман между ними должен обслуживать только её грузовики. Сначала водители ругались. Потом кто-то спустил колёса. Потом пропал комплект новых шин. Виновного не нашли, поэтому решили наказать всех.

Олег слушал двадцать минут, хотя оба обещали десять. Постепенно выяснилось, что за обеими сторонами стоят люди, которых Глеб называет «нашими партнёрами» с таким выражением, с каким обычные люди говорят «пломбы». Формально спор выглядел хозяйственным. На деле каждый мужчина хотел доказать, что его нельзя заставить уступить.

— Так вы оба платите за охрану? — уточнил Олег.

— Естественно.

— И охрана ничего не видела?

Леонид кашлянул. Саша принялся тереть переносицу.

— Ну, она же охраняет не всё подряд, — объяснил Саша.

— Что именно?

— Каждый своё.

Олег представил двух охранников в одном дворе, которые старательно смотрят в разные стороны, чтобы не заметить чужую беду. Картинка показалась ему почти театральной.

— Позовите их.

— Кого?

— Ваших охранников. Или вы за них тоже будете говорить?

Мужчины обменялись взглядами. Они не ожидали такого поворота. За всё время переговоров никто не спрашивал

мнения людей, которые действительно стояли у ворот.

Через сорок минут приехали двое. Один — молодой, с красными от недосыпа глазами. Другой — пожилой, с седыми усами и походкой, которая сразу выдавала больное колено. Олег попросил принести всем чай. На лице Леонида появилась гримаса: переговоры превращались в посиделки.

— Расскажите, кто видит разгрузку ночью, — сказал Олег.

Молодой охранник ответил первым:

— Ночью её никто не видит. У ворот лампа не горит.

— Почему?

— Она три месяца как перегорела.

— И никто не заменил?

Пожилый мужчина сказал:

— Сменить лампу можно. Но там высоко, лестницу дают только через начальство. Один начальник говорит, что столб чужой, другой — что выключатель не его.

Олег посмотрел на обоих предпринимателей.

— Вы спорите из-за темноты?

— Мы спорим из-за собственности, — возразил Леонид.

— Конечно. Темнота ведь чья-то частная.

Молодой охранник не выдержал и усмехнулся. Саша резко повернулся к нему, но Олег успел поднять ладонь — жест, подсмотренный у Глеба за первым ужином.

— Поставьте свет. Найдите нормальный график разгрузки. Пока грузовик одной фирмы стоит у ворот, вторая не

блокирует ему выезд. И никого не увольняйте за то, что он сказал правду про лампу.

Саша энергично закивал. Леонид сдержанно улыбнулся. Олег почувствовал приятную волну: вот она, власть без насилия. Простая, здравомыслящая, почти добрая.

На выходе пожилой охранник остановил его.

— Вы ведь правда Вадим Аркадьевич?

Олег замер. Вопрос прозвучал без подозрения, даже с надеждой.

— А что?

— Скажите, чтобы мне колено разрешили вылечить. На больничный прошусь, а сменщика не ставят.

Олег не был уверен, что просьба относится к его полномочиям. Но сказать «не моё дело» после только что произнесённых приказов было бы невозможно.

— Как вас зовут?

— Фёдор Николаевич.

— Я поговорю.

Фёдор Николаевич так обрадовался, что Олегу стало стыдно. Он ещё ничего не сделал, а человек уже благодарил.

В машине Олег рассказал Глебу об охраннике. Глеб слушал молча.

— Я ведь правильно поступил? — спросил Олег.

— По какому вопросу?

— Вообще.

— Пока рано отвечать. Леонид обязательно доложит, буд-

то вы решили вопрос в его пользу. Саша скажет то же самое. Оба будут уверены, что вы помните их обещания. А Фёдор Николаевич завтра станет проблемой для начальника охраны.

— Я могу позвонить ему.

— Можете. И тогда получите ещё двадцать просьб. Человеку, которого все считают старшим, невозможно помочь одному человеку и остаться в стороне от остальных.

Олег отвернулся к окну. За стеклом проносились шинные лавки и павильоны с дешёвой едой. Он действительно мог позвонить. Номер начальника у Глеба наверняка был. Но ему не хотелось тратить на это вечер. Ему хотелось вернуться домой, надеть новые ботинки и ещё раз пережить ощущение, как два серьёзных человека замолчали по движению его руки.

Вечером позвонил Леонид.

— Вадим Аркадьевич, проблему решили. Свет будет завтра. И маленький вопрос: Фёдор Николаевич из охраны утверждает, что вы лично разрешили ему больничный.

— Не разрешал, — ответил Олег. — Я сказал, что поговорю.

— Понимаю. Он, наверное, не так понял. Мы объясним.

В голосе прозвучала уверенность, которая вдруг не понравилась Олегу.

— Что вы объясните?

— Что такими вещами не следует беспокоить вас.

— Нет. Вы объясните ему, что он может обратиться к врачу. Вы что, хотите, чтобы человек на работе без ноги остался?

— Конечно нет. Как скажете.

Звонок закончился. Олег уже собирался считать вопрос закрытым, когда заметил пропущенное сообщение от незнакомого номера: «Спасибо. Сменщика нашли. Завтра к врачу. Фёдор».

Он достал из морозилки подаренный стейк, посмотрел на него и убрал обратно. На дорогую сковороду денег теперь хватало. На спокойный вечер у плиты — почему-то нет.

Позже Глеб сообщил, что обоих охранников перевели на дальние объекты. Формально — по их просьбе. Фёдору дали больничный, молодому подняли зарплату. Разгрузка стала проходить быстрее. Всё закончилось благополучно, кроме одной мелочи: никто не спросил у этих двоих, хотят ли они уезжать из города на новые смены.

Олег хотел возразить, что он никогда такого не приказывал. Глеб ответил коротко:

— А они приказы и не ждали. Они хотели угадать, что вам понравится.

Позднее Олег много раз вспоминал этот разговор. Но тогда он подумал только одно: главное, что людей не уволили. Остальное можно считать производственными трудностями.

• • •

В одном из гаражных комплексов ждали, когда Бережной

распорядится убрать гроб. Олег переспросил дважды. Глеб подтвердил: гроб. Пустой. Пока пустой — это будущий хозяин суши-бара уточнил отдельно и очень сердито.

Гроб привезли как выставочный образец. Человек, который арендовал гараж, собирался открыть магазин ритуальных товаров. Второй арендатор собирался открыть магазин суши. У обоих была устная договорённость с помощником Тимура. Помощник считал, что совмещать можно.

— В разных концах помещения, — объяснил он по телефону. — Там большой гараж.

Глеб попросил его приехать. Тот немедленно вспомнил, что находится за городом.

У ворот стоял фургон. Двое грузчиков пытались закрыть задние двери: крышка дорогого образца не помещалась наискосок. Внутри лежали венки с универсальной надписью «Помним». Олегу очень захотелось оказаться дома.

— Я за аренду заплатил, — сказал будущий продавец. — Товар где хранить?

Второй арендатор ответил, что не желает, чтобы весь комплекс думал о нём плохо. Сосед уже спрашивал, кого хоронят, и рассчитывал не зря ли пожалел на него денег в прошлом месяце.

Олег попросил показать, сколько места занял бы магазин. Продавец отвёл его внутрь. Там стоял один гроб на подставке, вокруг — табуретки.

— Посетителям присесть, — пояснил продавец.

— Им и без этого тяжело.

Глеб кашлянул. Будущий сушист не оценил.

— Убирайте. До вечера. Или я вызову людей, они сами вынесут.

Продавец посмотрел на гроб, потом на грузчиков. Молодой невольно отступил к машине. Они оба поняли под «людьми» не соседей, которые помогут донести.

Олег решил не оставлять удачную паузу без пояснений.

— Никто никого не выносит. Тимуров человек сдал один гараж два раза. За переезд платит он.

— Он за городом, — напомнил второй арендатор.

— Счёт дойдёт.

Глеб позвонил Тимуру. Разговор был коротким: либо его помощник оплачивает рейс и возвращает аренду, либо весь комплекс узнаёт, что здесь продают места сразу на двоих. Тимур заплатил. Не потому, что признал ошибку. Ему не понравилось, кто именно может посмеяться.

Ритуальный товар увезли в соседний пустой бокс. Суши ещё не открылись, но второй арендатор уже потребовал, чтобы венки не ставили у общей стены. Продавец отказался: стена не сдавалась, за неё денег не получали.

Олег ждал благодарности и не дождался. Они снова спорили, только без него.

На прощание продавец предложил скидку — большую, постоянную, лично для Вадима Аркадьевича. Увидев лицо Олега, поспешил добавить:

— Не вам. Вообще. Если кому понадобится.

В машине Глеб наконец засмеялся. Олег вспомнил, как быстро утихли оба спорщика, когда он повысил голос, и тоже улыбнулся. Хотелось повторить — в месте, где наградой не будет скидка на собственные похороны.

• • •

До следующей встречи с людьми Тимура Олег успел получить приглашение на обычные театральные пробы. Небольшой независимый театр искал актёра на роль судьи в чёрной комедии. Денег обещали немного, но Олег решил сходить. Ему хотелось проверить, не утратил ли он за последние недели способность выходить на сцену без чужого имени.

На пробах собрались ещё восемь мужчин. Все были знакомы друг с другом, обсуждали режиссёров и старые провалы. Олег почувствовал привычную неловкость: ему казалось, что сейчас его снова не заметят. Но когда режиссёр предложил изобразить человека, которому никто не смеет возражать, он неожиданно расслабился. Это было единственное, что он теперь умел делать без подготовки.

Он сел за стол, посмотрел на партнёра и спокойно спросил:

— Вы уверены, что хотите продолжать?

Партнёр замолчал. Потом непроизвольно выпрямился. Режиссёр попросил повторить. Олег повторил иначе, с короткой паузой, и в комнате снова наступила тишина.

— Интересно, — сказал режиссёр. — Откуда у вас такой

опыт?

— Из жизни, — ответил Олег.

Ему дали ещё одну сцену. Теперь судья должен был признать ошибку перед обвиняемым. Олег начал уверенно, но застрял на словах «я был неправ». Произнести их было тяжелее, чем угрозу. Режиссёр заметил заминку и попросил попробовать без давления.

— Ваш герой не теряет власть, — сказал он. — Он впервые делает что-то по собственной воле.

Олег долго смотрел на текст. В криминальном мире за признание ошибки могли наказать. На сцене это было центральное действие персонажа. Он попробовал ещё раз, и теперь получилось так, что партнёр перестал изображать испуг и посмотрел на него по-человечески.

После проб Олегу предложили роль. Он был счастлив ровно минуту. Потом подумал о расписании встреч с Тимуром, о звонках, на которые нельзя не отвечать, о Косте. Оказалось, что у него больше нет времени на обычный спектакль.

— Спасибо, — сказал он режиссёру. — Но сейчас не могу.

— Жаль. Вы очень убедительны.

На улице Олег достал телефон, чтобы позвонить Вере и похвастаться. Но вместо этого набрал Надежде. Она спросила, как прошли пробы. Он сказал, что его взяли. Надежда обрадовалась, потом услышала паузу.

— Ты отказался?

— Да.

— Почему?

Он не смог объяснить. На обычной сцене ему впервые за долгие годы предлагали заметную роль, но ради криминального стола он от неё отказался. Надежде Олег сказал только: «Не могу сейчас». Она не стала спорить.

На улице Олег переслушал сообщение режиссёра: роль его, если подтвердит сегодня. Удалил сообщение. Затем ответил водителю, что будет через пять минут.

Глава 4. Цена короткой фразы

На четвёртой неделе Олег обнаружил, что власть удобнее всего проявлять молчанием.

Нужно было лишь посмотреть на человека и не спешить с ответом. Другой начинал оправдываться, хотя Олег ещё ничего не предъявлял. Чем дольше длилась пауза, тем больше ему рассказывали. В актёрской школе такой приём назывался «дать партнёру пространство». Здесь пространство быстро заполнялось сведениями, которые никто не собирался раскрывать.

Однажды он просидел девять минут напротив владельца двух гаражных комплексов, не произнеся ни слова. Мужчина успел признаться, что соврал Глебу о расходах, утаил часть выручки и однажды самовольно выгнал с работы пожилого механика.

Олег не знал ни о выручке, ни о механике. Его мучила изжога, и он боялся, что если откроет рот, то вместо мудрого замечания получится нечто невразумительное.

— Надеюсь, у вас хватит ума исправить то, что можно исправить, — произнёс он наконец.

Мужчина вышел бледный и оставил на столе дорогую ручку. Олег догнал его в коридоре, чтобы вернуть. Тот едва не расплакался от благодарности: по его мнению, Бережной решил не забирать у него бизнес.

Вечером Тимур позвонил поздравить с очередной победой.

— Вы его уничтожили одной паузой! Он теперь каждому рассказывает, что вы всё знаете.

— Я ничего не знаю, — сказал Олег.

— Вот поэтому вы и опасны, — восхищённо ответил Тимур.

Он посмотрел на пустое место перед собой: ещё минуту назад там лежала чужая ручка. Вернуть дорогую вещь оказалось проще, чем отказаться от дорогого обращения.

Глеб в тот вечер привёз новости о Косте.

— Человека с лекарствами нашли. Он ничего не рассказывает.

— Вы с ним говорили?

— Наши люди говорили.

Олег насторожился.

— С ним всё в порядке?

— Пока да. Но есть проблема. Он уверяет, что лекарство забирал для себя. Оно, правда, не его. Ему предложили подумать и вспомнить, кому вёз.

— Что значит «предложили подумать»?

Глеб не ответил.

Олег представил безымянного мужчину, сидящего в тёмной комнате и ожидающего, когда кому-то надоест ждать. Раньше он, не разбираясь, потребовал бы прекратить. Теперь захотел сначала понять, насколько это навредит ему са-

мому.

— До утра пусть его никто не трогает, — произнёс он.

— Хорошо, Вадим Аркадьевич. До утра.

— Я не это имел в виду.

— Тогда объясните.

Олег мог сказать «отпустите». Он почти сказал. Но если отпустить единственного человека, который, возможно, знает, где Костя, нить оборвётся. Лаптев останется неизвестно где, а вместе с ним — единственная возможность узнать, кому понадобилась подмена Бережного.

— Пусть поговорит со мной, — решил Олег. — Завтра.

На следующий день мужчину привезли в офис без вывески. Ему было лет двадцать пять, на шее виднелось красное пятно от тесного воротника. Он сел напротив Олега и сразу опустил глаза.

— Как зовут? — спросил Олег.

— Женя.

— Женя, посмотри на меня. Я не буду тебя бить.

Молодой человек улыбнулся одним краем губ. Улыбка оказалась неприятной, потому что выражала не благодарность, а недоверие.

— А потом?

— Что потом?

— Когда вы закончите.

Олег почувствовал, что его словам здесь не верят по вполне веским причинам.

— Ты возил лекарства Косте?

— Не знаю.

— Как можно не знать, кому возил?

— Пакет отдал. Сказали — отдать, я отдал.

— Кому?

Женя молчал.

— Послушай. Из-за этой истории может пострадать человек. Может, уже пострадал. Если ты знаешь, где он, скажи.

Молодой человек поднял глаза.

— Я знаю одно. В следующий раз, когда мне скажут что-то отвезти, я откажусь. Если будет следующий раз.

Олег не мог понять, чего в голосе больше: мольбы или обвинения.

— Тебя удерживают?

Женя издал короткий, почти неслышный смешок.

— А вы думали, я по приглашению приехал?

Олег отвёл взгляд. Он не просил хватать этого человека. Вообще не просил, чтобы его привозили силой. Но он вполне понимал, почему парень сидит здесь сейчас.

— Где передавал пакет?

— Не в доме. На стоянке у дороги. Человек приехал один, на старой машине. Лицо я не видел: было темно. Но он сказал одну вещь.

— Какую?

— «Передай Артёму, что ещё одну неделю он мне должен».

Олег замер.

— Артёму Полякову?

— Не знаю фамилии.

— А как выглядел человек?

— Я же сказал, темно было.

— Забирай свой телефон, — сказал он. — И уходи домой.

Женя не двинулся.

Олег вызвал Глеба.

— Отпустите его.

— Он рассказал, что нужно?

— Достаточно.

— Точно?

— Я сказал: отпустите.

Он произнёс это так, как говорил недавно двум спорщикам у складского двора. Глеб кивнул. Женю увели. Олег подождал немного и пошёл к окну. Внизу парень сел в чужую машину, не поднимая головы. Олег хотел было сказать, чтобы его действительно отвезли домой, но постеснялся снова задавать вопрос. Даже сейчас ему хотелось выглядеть уверенным.

Вечером Павел позвонил сам.

— Вы зря интересуетесь тем, что делал Артём.

— А вы откуда знаете, чем я интересуюсь?

— У вас слишком много поклонников, Вадим Аркадьевич.

Олег стиснул телефон.

— Костя жив?

— Давайте договоримся. Вы спокойно делаете то, что у вас получается. Не задаёте лишних вопросов. И никто не возвращается к этому неприятному эпизоду.

— Вы хотите, чтобы я забыл про человека, которого похитили после моих слов?

— Я хочу, чтобы вы перестали считать себя центром любого события. Вы произнесли фразу за ужином. Люди до вас говорили такие фразы тысячами. Мир не остановился.

— Где он?

— Вам лучше не знать.

Павел отключился.

Олег был так зол, что швырнул телефон на диван. Он хотел выругаться, но вместо этого произнёс — отчётливо, размеренно, чужим низким голосом:

— Очень зря.

И сразу испугался самого себя. Эта интонация уже не требовала зрителей. Он пользовался ею наедине, когда никто не мог оценить игру.

• • •

Веру он нашёл почти случайно.

В маленьком театре на окраине готовили премьеру современной пьесы. Надежда работала там над светом и, не подозревая, какую помощь оказывает, упомянула по телефону режиссёра по пластике с фамилией Дымова.

— А Вера — это кто? — спросил Олег слишком быстро.

— Моя знакомая. Странная женщина, но профессионал.
Ты откуда её знаешь?

— Слышал фамилию.

— У неё сегодня прогон. А что?

— Ничего.

Он приехал через час и долго стоял у чёрного входа, не решаясь войти. Внутри слышались удары сценических молотков, кто-то ругался на сломанный прожектор. Это был обычный театр, настоящий, знакомый по запаху и звукам. Олег ощутил щемящее желание остаться здесь, сдвигать декорации, подносить стулья, ждать своей небольшой роли.

Вера стояла перед зеркалом в гримёрной, снимая серьги. Увидев его в отражении, она не вздрогнула. Только положила серьгу мимо коробочки.

— Я ожидала, что вы придёте.

— Значит, могли сами позвонить.

— Не могла.

— Почему?

Вера наконец обернулась.

— Потому что вам лучше забыть моё имя.

— А мне лучше знать, кто я.

Она посмотрела на его дорогую одежду, задержалась на часах — тех самых, которые дала перед первым ужином.

— Похоже, вы вполне определились.

— Это не значит, что мне всё нравится.

— Но многое уже нравится.

Олег почувствовал знакомое раздражение: все вокруг считали, что знают его лучше, чем он сам.

— Вы говорили, что я буду играть перед актёрами.

— Я говорила, что это закрытый спектакль. И верила, что для вас участие будет безопасным.

— На основании чего?

Вера села, сцепив руки.

— Артём обратился ко мне как к специалисту. Ему нужен был человек, умеющий держаться среди незнакомых людей. Он сказал, что это переговоры между состоятельными партнёрами, которым важно сохранить видимость присутствия консультанта. Уверял, что никакого криминала не будет. Я знала, что он может преувеличивать. Но не предполагала...

— Не предполагали, что богатые люди могут оказаться бандитами?

— Не предполагала, что исчезнет человек.

Олег вздрогнул.

— Вы знаете про Лаптева?

— После первого ужина Артём позвонил мне. Сказал, что вы слишком хорошо справились. Потом запретил с вами связываться. Я подумала, это часть его обычных игр. А затем увидела новость.

В коридоре кто-то громко постучал в дверь и попросил реквизитный ключ. Вера ответила, что ключ у костюмера. Голос был ровный, деловой. Олег ужаснулся тому, как легко люди переключаются с разговора о пропавшем человеке на

театр.

— Если вы знали, почему не предупредили меня?

Она долго молчала.

— Я боялась.

Этот ответ был таким простым, что Олегу стало трудно продолжать обвинения. Он сам боялся. Ещё как боялся.

— Кто такой Артём?

— Поляков. Давно работал на Бережного, занимался встречами и людьми. Не охранник и не бухгалтер — скорее человек, который знает, кто с кем должен разговаривать, а кому лучше никогда не встречаться.

— Настоящий Бережной действительно существует?

— Да.

— Где он сейчас?

— Я не знаю. Артём говорил: лечение. За границей. Очень серьёзное. Он не позволял уточнять.

— Лечение от чего?

— Олег, я работаю в театре. Мне никогда не приходило в голову проверять медицинскую историю уголовного посредника.

Отчество она больше не произносила. От этого разговор стал ещё неприятнее.

— Почему меня выбрали?

— Вы свободны от привычек власти. Я считала, что поэтому сможете сыграть человека, который не нуждается в её демонстрации. У большинства претендентов получались де-

шлёвые киношные злодеи. А вы просто сажались и слушали. Артём увидел запись и сказал: «Вот этот».

— А сейчас?

— А сейчас я смотрю на вас и не уверена, что вы всё ещё умеете слушать.

Олег хотел уязвить её. Сказать, что она взяла деньги за опасную работу, исчезла и теперь пытается сохранить собственную совесть. Всё это было правдой или близко к ней. Он мог бы довести её до слёз. Он уже знал, как подбирать слова так, чтобы человек оставался без ответа.

Вместо этого спросил:

— Как мне выбраться?

Вера закрыла глаза.

— Надо перестать приходить на встречи.

— И что тогда?

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он встал. У двери Вера произнесла:

— Олег. Вы ведь хотели стать актёром не ради того, чтобы вас кто-то боялся?

Он не обернулся.

— Нет, — сказал он. — Я хотел, чтобы меня хоть кто-нибудь заметил.

Во дворе его ждала машина. Водитель сделал вид, что не обратил внимания на театральную вывеску.

— Домой? — спросил он.

Олег представил пустую квартиру. Горчицу в холодильнике, старые афиши, сообщение от Надежды, на которое он так и не ответил. Потом подумал о людях, которые в ресторане будут подниматься, когда он войдёт.

— Нет. В «Пятый сезон».

На этот раз он не собирался оправдываться перед самим собой, будто его туда заставляют ехать.

• • •

На той неделе Глеб снял для него гостиничный номер — «чтобы не мотаться между встречами». Олег согласился, хотя до дома было двадцать минут. В первый вечер он решил, что его пытались отравить. Под серебристой крышкой лежали маленькие кусочки рыбы, украшенные зеленью. В заказе он просил простую курицу с рисом.

Он позвонил на стойку.

— У вас ошибка.

— Сейчас исправим, — ответила девушка.

Через пять минут в номер пришёл администратор. Она извинялась так старательно, будто перепутала не ужин, а человеческую судьбу. Олег хотел сказать, что ничего страшного. Но вспомнил, что Бережному подобные ошибки якобы не прощают, и решил немного поиграть роль.

— Скажите, вы часто путаете заказы?

— Нет. Это впервые.

— А если бы у меня была аллергия?

Администратор побледнела. Олег почувствовал власть от того, что незнакомый человек следит за каждым его словом. Потом вдруг увидел, как девушка сжимает ладони. Ему вспомнился собственный провальный кастинг и режиссёр, который наслаждался его неловкостью.

— Не переживайте, — сказал он уже своим голосом. — Просто принесите курицу. Я подожду.

Девушка облегчённо улыбнулась. Уходя, остановилась у двери.

— А рыбу вам оставить?

Олег посмотрел на тарелку.

— Нет, спасибо. Я вообще не люблю рыбу.

Ночью его разбудил телефон. Звонил Тимур.

— Мы узнали, что в гостинице произошёл инцидент. Вам не стоит беспокоиться. С сотрудником разберутся.

Олег сел.

— Какой ещё инцидент? Перепутали ужин.

— Нам сообщили, что вас пытались оскорбить.

— Меня никто не оскорблял. Я сам чуть не начал оскорблять человека из-за курицы.

— Вы слишком снисходительны.

— Я хочу, чтобы девушку оставили в покое.

— Разумеется.

Утром Олег спустился на стойку. Там работала другая сотрудница. Он спросил вчерашнего администратора. Оказалось, девушку отстранили от нескольких смен после жало-

бы «важного гостя». Новая администратор говорила об этом шёпотом, словно боялась, что фамилия Бережного сама отзовется из коридора.

Олег достал телефон. Одного звонка Тимуру хватило бы, чтобы вернуть девушку на работу. Возможно, потребовался бы ещё один — хозяину гостиницы. Он знал, что может это сделать. Палец уже завис над именем в списке вызовов.

Но Олег вспомнил, как вчера испугался получить вместо курицы рыбу. Каким жалким выглядел перед чужой официанткой, когда пытался изображать требовательного человека. Ему захотелось сохранить хотя бы один случай, когда окружающие действительно сочли его недовольство важным.

— Надеюсь, в следующий раз вы будете внимательнее, — сказал он.

Девушка за стойкой кивнула. Он ушёл, не сделав звонка.

На улице Олег сразу начал придумывать оправдания. Отстранили всего на несколько смен. Может, ей даже заплатят. Может, начальство всё равно искало повод. Нельзя же каждому человеку в городе помогать лично. Чем дольше он рассуждал, тем разумнее звучало его решение.

• • •

В пятницу Олег попал на двадцатилетие транспортной компании. Его пригласили почётным гостем, но посадили так близко к колонке, что уважение с первой минуты отдавало в селезёнке.

Ведущий в блестящем пиджаке дважды назвал директора Валерием, хотя того звали Виктором. На третьем «Валерии» Тимур наклонился к организатору и что-то сказал. Ведущему принесли телефон. Он послушал, побледнел и объявил технический перерыв.

К Олегу подошла женщина с планшетом.

— У нас ведущий заболел. Вы ведь артист? Пятнадцать минут. Просто поздравьте людей.

— Я видел его секунду назад. Он здоровый.

— Теперь нет, — ответила она и посмотрела на Тимура.

Олег должен был остаться сидеть. Вместо этого встал: в зале было двести человек, и все ждали, что сейчас ему дадут микрофон.

— Начнём с простого, — сказал он со сцены. — Кто здесь работает дольше всех?

Поднялся охранник. За ним начальник отдела. За ним ещё трое. Каждый решил, что вопрос касается сегодняшнего рабочего дня.

— Прекрасно, — быстро сказал Олег. — Вы все победили. А теперь конкурс. Водители против бухгалтерии. Кто быстрее соберёт грузовик из гостей.

Гостям предстояло изобразить колёса, кузов и двигатель. Такую игру Олег проводил на детских ёлках; двигатель обычно доставался ребёнку, который не хотел играть зайца.

Бухгалтерия мгновенно выбрала четыре колеса и потребовала пятое в резерв. Водители назначили мотором началь-

ника эксплуатации, который прежде весь вечер объяснял, отчего машины расходуют слишком много топлива. Тот отказался гудеть. Из зала крикнули, что опять неисправность по его вине.

Сначала смеялись все. Потом директор понял, что бухгалтерия собирает второй грузовик, чтобы успеть списать первый.

— Это они удачно, — сказал Тимур за сценой. — Наши ребята оценят.

Олег не сразу понял, что «наши» — не сотрудники компании.

Победителям он пообещал освободить понедельник. Зал взревел. Женщина с планшетом рванулась к лестнице, но Тимур удержал её за локоть.

— Не перебивайте человека.

Олег видел, что происходит, и закончил поздравление под аплодисменты. Он мог уточнить, что понедельник был шуткой. Однако уточнение испортило бы последнюю фразу.

За сценой стоял заболевший ведущий. Без блестящего пиджака он оказался маленьким и усталым.

— Вам тоже не сказали, что это за праздник? — спросил он.

— Я импровизировал.

— Заметно. Мне теперь до двух ночи объяснять, что выходной выдать не могу. А вам?

Тимур уже звал Олега к столу. На следующий день орга-

низатор прислала фотографии: директор смеялся, бухгалтерия побеждала, ведущий в кадр не попал. Олег выбрал снимок, где держал микрофон, и сохранил себе.

Про понедельник он не спросил.

В субботу Олега пригласили на открытие нового ресторана. Он отказался. Тогда прислали фотографию стола на одного с табличкой «Для Вадима Аркадьевича». Олег согласился, прежде чем дочитал адрес.

Глеб не одобрил приглашение. Хозяин ресторана, объяснил он, связан с Тимуром, а Тимур в последнее время слишком часто ищет встречи без свидетелей. Но Олегу не понравился тон, каким Глеб это сказал. Когда-то он сам с тревогой спрашивал, безопасно ли идти в ресторан. Теперь ему казалось оскорбительным, что его пытаются отговорить.

— Я не ребёнок, Глеб Сергеевич.

— Это и тревожит, — ответил Глеб. — Ребёнок хотя бы знает, что взрослые иногда опасны.

Новый ресторан находился в помещении бывшего театра. Над баром висел огромный экран, на котором вместо фильмов показывали беззвучные кадры морского побережья. Гости, преимущественно мужчины, говорили одновременно и слишком громко. Несколько женщин фотографировали десерты с таким вниманием, будто десерты завтра могут быть объявлены в розыск.

Олегу предоставили стол возле окна и немедленно начали представлять людей. Имена проходили мимо. Один владел

строительной техникой, другой — сетью автомоек, третий оказался человеком, который умеет договариваться с владельцами первых двух. Для каждого Олег должен был найти выражение лица, демонстрирующее, что его не удивляет существование такого бизнеса.

В зале играла живая музыка. Певица лет тридцати исполняла старый романс на удивление хорошо. Она не смотрела на гостей, только иногда прикрывала глаза, когда брала трудную ноту. Олег знал это выражение: певица считала зал недостойным себя и всё же пела как для настоящих слушателей.

— Ваше мнение? — спросил Тимур, появившись за его плечом.

— О чём?

— О месте. Мы думаем сделать его постоянной площадкой для встреч.

— Шумно.

— Музыку уберём.

— Я не просил убирать музыку.

Тимур уже повернулся к одному из администраторов и сделал знак. Певица допела куплет, поклонилась в пустоту. Через минуту звук выключили, и по залу побежал гул разговоров.

Олег почувствовал лёгкое раздражение. Он ведь сказал не то, что им следовало делать. Всего лишь заметил, что шумно.

— Я говорил о разговорах, — произнёс он.

Тимур улыбнулся.

— Простите. Сейчас разберёмся.

Олег представил, как посетителей попросят говорить шёпотом, и неожиданно рассмеялся. Тимур тоже засмеялся, хотя не понял шутки. Это уже начинало нравиться Олегу: он мог не объяснять, почему ему смешно.

Позже к его столу подошёл хозяин заведения, Сергей Климов, плотный мужчина с влажным лбом.

— Вадим Аркадьевич, не считите за наглость. У меня к вам личная просьба.

Олег приготовился слушать очередную историю о складах или долгах.

— У нас повар ругается с управляющим. Оба хорошие специалисты, но не могут вместе. Я думал, вы хотя бы подскажете...

— Вы хотите, чтобы я решил, кому варить суп?

— Нет, что вы. Просто вы людей понимаете.

Повар пришёл в фартуке, управляющий — в костюме с микрофоном у воротника. Олег приказал им сесть. Повара звали Виталий, и он выглядел уставшим, как человек, который уже полдня спорит с плитой. Управляющего звали Матвей, и тот улыбался так часто, что Олег заподозрил болезненное напряжение лицевых мышц.

Выяснилось, что повар требует убрать из меню дорогое блюдо, которое у гостей постоянно возвращается на кухню. Управляющий утверждает, что блюдо приносит прибыль

благодаря названию. Олег попросил принести две порции и попробовать самим.

Матвей возразил, что название — важная часть ресторанного опыта.

— У меня было двадцать лет актёрского опыта, — сказал Олег. — Если я назову пустую тарелку супом, люди всё равно останутся голодными.

Виталий усмехнулся. Матвей перестал улыбаться.

Блюдо оказалось холодной рыбой под густым сладким соусом. Олег попробовал, потом ещё раз, желая убедиться, что первая порция не была испорчена случайно.

— Уберите, — сказал он.

Он вспомнил отстранённую администраторшу гостиницы. Снова можно было уточнить, что именно он имел в виду, — и снова рядом уже раздавались одобрительные возгласы.

— Вадим Аркадьевич, вы одним словом решили! — воскликнул хозяин.

Виталий благодарил. Матвей молчал. Олег позволил себе маленький бокал вина и почувствовал то, чего не испытывал на сцене уже много лет: зал слушает его, даже когда он не старается произвести впечатление.

А потом к нему подошла певица.

— Вы правда попросили убрать музыку?

— Нет, — ответил он. — Это недоразумение.

— Мне так и сказали. Что вы не любите живое исполнение.

— Я очень люблю. Вы прекрасно пели.

— Тогда зачем было прекращать выступление?

Олегу захотелось позвать Тимура и заставить того извиниться. Можно было сделать это одним движением руки. Часть гостей наблюдала за разговором. Они ждали, как поведёт себя Бережной, которого осмелились обвинить.

— Я не просил, — повторил Олег. — Если вам важно знать, мне понравилось. Вам заплатят полностью?

— Деньги не вопрос. Мне не дали допеть. У меня сегодня впервые после операции получалось так, как раньше. Я полгода возвращала голос.

Это было сказано без слёз, без обвинения, почти буднично. От этого Олегу стало стыднее, чем если бы певица начала кричать.

— Я могу попросить, чтобы вы выступили ещё раз.

Она посмотрела на него устало.

— Вы всё время что-то можете попросить, да?

— В последнее время — да.

— А вы сами когда-нибудь спрашиваете, чего хочет другой человек?

Она ушла раньше, чем Олег нашёл достойный ответ. Он подозвал хозяина и сказал, что певице нужно предложить снова выйти на сцену, но не приказывать. Климов кивнул с искренним почтением. Через десять минут он сообщил, что певица уехала.

— Странная девушка. Мы ей двойной гонорар обещали.

Олег посмотрел на сцену. Там стоял одинокий микрофон. Ему казалось, он сделал всё правильно, но почему-то на месте невысказанного спасибо оставалась пустота.

Поздно ночью Тимур заехал вместе с ним к гостинице.

— Хороший вечер, — сказал он. — Людям понравилось, что вы умеете принимать решения по любому вопросу.

— Это неправда.

— Что неправда?

— Я не умею. Я ничего не знаю про их рестораны, рыбу и охрану.

Тимур пожал плечами.

— А они знают? Они тоже просто делают вид. Разница в том, что вам верят.

Олег долго молчал. Потом спросил:

— А что случится, если я приму неправильное решение?

— Тогда, — спокойно ответил Тимур, — виноват будет тот, кто плохо объяснил вам ситуацию.

Именно эта фраза понравилась Олегу сильнее всего. Она освобождала от ответственности так ловко, что он не сразу заметил опасность.

В своём номере он открыл телефон и нашёл номер режиссёра, который недавно предлагал ему роль соседа по купе. Хотелось позвонить и рассказать, что сегодняшней зал слушал его с таким вниманием, какого не дождёшься от театральной публики за всю жизнь.

Олег не позвонил. Удалил режиссёра из избранного и по-

ставил телефон на зарядку. Через минуту проверил, не звонил ли Тимур.

Глава 5. Кресло

В воскресенье в «Пятом сезоне» Олега встретили без прежней торжественности. Просто отвели в тот же зал, положили меню и спросили, будет ли он ждать остальных.

— Буду, — ответил он.

Он заказал стейк. Не потому, что был голоден. Ему хотелось доказать самому себе, что теперь он может позволить себе такое мясо и не думать о цене. Официант ушёл, а Олег вдруг обнаружил, что даже не помнит, когда в последний раз платил в ресторане собственными деньгами.

Первым пришёл Тимур, затем Глеб. Оба заметно удивились, что встречу инициировал сам Бережной.

— Вадим Аркадьевич, что-то срочное? — спросил Тимур.

— Костя Лаптев, — сказал Олег.

Глеб с раздражением отвёл взгляд.

— Мы же говорили. Нет его.

— Неправда. Он есть. И кто-то привозит ему лекарства.

Тимур отложил телефон.

— А откуда вам это известно?

Олег посмотрел на него. Вопрос прозвучал слишком уверенно. Человек, который ничего не знает, обычно спрашивает не так.

— Вы удивлены?

— Я просто уточняю.

— Тогда уточните у себя: кто хотел, чтобы Костя исчез?

— Он многим мешал, — ответил Глеб. — Но это не значит, что каждый хотел его убить.

— Назовите тех, кому мешал больше остальных.

Глеб перечислил троих. Последним назвал Артёма Полякова.

Олег поднял брови.

— Артём тоже?

— А вы не знали? Костя отвечал за расчёты по части площадок. Артём распоряжался встречами и договорённостями. Они постоянно спорили о том, кто вправе обещать что-то от имени Бережного. Когда настоящий... — Глеб осёкся.

Олег сделал вид, что ничего не заметил. Пять секунд молчания оказались достаточными.

— Когда Бережной уехал лечиться, — продолжил Глеб, — Костя начал говорить, что временные решения надо прекратить. А потом вы появились, и он, как назло, исчез.

Тимур покачал головой.

— Не надо всё связывать. Костя всегда был скандалистом.

— Но живой скандалист лучше мёртвого, — сказал Олег.

— Это кому как, — тихо ответил Тимур.

Олег почувствовал, как среди привычных общих фраз вдруг прорезалась настоящая опасность. Ему захотелось спросить прямо: «Вы его похитили?» Однако он уже научился, что прямой вопрос даёт человеку возможность заранее приготовить прямой ответ.

— Мне не нравится, когда люди исчезают после моих решений, — произнёс он. — Это портит репутацию.

Глеб неожиданно кивнул.

— Справедливо.

Тимур молчал.

— И ещё, — продолжил Олег. — Отныне никто не будет ссылаться на меня, если я лично не говорил с человеком. Никаких «Вадим Аркадьевич велел». Если не слышали от меня — значит, я не велел.

— Сложно будет, — заметил Глеб. — Люди привыкли говорить от вашего имени.

— Пусть отвыкают.

Олег дождался, пока Глеб уберёт телефон. Ему хотелось верить, что хотя бы этот запрет нельзя будет пересказать наоборот.

Дверь открылась. В зал заглянул худой мужчина в чёрном костюме, которого Олег видел однажды в коридоре. Он наклонился к Глебу и что-то прошептал.

— Подождите за дверью, — велел тот.

Мужчина не ушёл. Он взглянул на Олега и вдруг сказал:

— Вадим Аркадьевич, вы бы с Артёмом это обговорили, прежде чем всех переделывать.

Слова были сказаны не особенно громко, но с явным вызовом. В зале наступила тишина. Олег почувствовал, что его проверяют, как когда-то проверял режиссёр с дверью. Он мог мягко пошутить, перевести разговор, уступить — и все

запомнили бы, что с ним можно говорить таким тоном.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Валентин.

— Валентин, вы сейчас в чужом разговоре.

— Я за дело отвечаю.

— Тогда отвечайте там, где вас спрашивают. Сейчас выйдите.

Валентин замешкался.

— Я всего лишь хотел...

— Я услышал. Выйдите.

Глеб сделал едва заметный жест. Мужчина вышел, хлопнув дверью чуть громче, чем требовалось.

Олег почувствовал удовольствие, острое и совершенно ненужное. Он поставил человека на место при свидетелях. Ни один режиссёр больше не сказал бы, что у него нет властной манеры.

— Не обижайтесь на Валю, — сказал Глеб. — Он много лет с нами.

— Тем более должен понимать, когда говорить.

— Понимаю.

Когда встреча закончилась, Олег не сразу вышел из ресторана. Он задержался у гардероба, ожидая машину, и услышал за перегородкой разговор Тимура с тем самым Валентином.

— Всё, — говорил Тимур. — Зря ты полез. Тебя уберут с площадок.

— Да за что? За две фразы?

— Не мне объясняй. Глеб уже решил. Скажи спасибо, что только с площадок.

Олег застыл. Он не просил никого увольнять. Даже не подумал об этом. Но, когда увидел Валентина у выхода — тот стоял без пальто, с белыми от напряжения губами, — не окликнул его.

Нужно было остановиться, сказать Глебу, что всё произошло из-за пустяка. Однако Олег представил, как тот удивится: Бережной сначала приказал мужчине выйти, а потом принялся извиняться за неприятные последствия. Вдруг это сочтут слабостью? Вдруг завтра тот же Валентин начнёт оспаривать уже серьёзные решения?

Он отвернулся и вышел к машине.

По дороге домой водитель спросил:

— Хороший вечер?

— Обычный, — ответил Олег.

Только дома, стягивая дорогой пиджак, он поймал себя на странной мысли: сегодня никто не обманул его, никто не угрожал. Это он сделал чужой вечер хуже — просто чтобы не выглядеть слабым.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение с неизвестного номера: «Вам нравится быть Бережным. А ему — нет».

Под текстом была фотография: пожилой мужчина с тростью выходит из дверей медицинского центра. Снимок сделан издалека, лицо различалось плохо, но под кадром стояло

одно слово:

«Настоящий».

Олег приблизил изображение. Мужчина был невысокий, плотный, с серебристой полосой волос над ушами. На Бережного из воображения Олега он совершенно не походил. И вдруг стало ясно, что его собственный персонаж существовал только потому, что никто не описал ему оригинал.

Он позвонил на номер. Телефон был выключен.

Потом ещё раз посмотрел на фотографию. Старик держался за трость не из-за возраста: левая нога явно плохо слушалась. Кого-то очень опасного, судя по словам Артёма, восстановление после болезни не делало менее опасным.

Олег отправил снимок Вере. Она ответила через минуту: «Больше туда не ходите».

Это был первый совет, в котором не слышалось ничего театрального.

• • •

Наутро Олег проснулся от звонка Глеба.

— Вадим Аркадьевич, нам надо поговорить. Без Тимура.

— Что случилось?

— Если по телефону, вы не поверите.

Олег уже собрался сказать, что не может, но в голосе Глеба было что-то необычное. Не страх даже — осторожность человека, который внезапно обнаружил, что лестница под ногами заканчивается на этаж раньше.

Они встретились днём в кафе у делового центра. Глеб

пришёл один, сел спиной к стене и долго не снимал пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.